

Философия духа

Автор:

Георг Гегель

Философия духа

Георг Вильгельм Фридрих Гегель

Величайшие люди и мыслители

Продолжив учение Канта об антиномиях, Гегель запустил этот вечный движитель – не двигатель, а именно движитель мысли в своих исследованиях. В «Философии духа» он в полной мере применил и опробовал метод открытого им диалектического познания, суть которого в гениальной формуле: истина не конечный вывод, а процесс бесконечного совершенствования Бога и человека – человека и Бога. Этот труд, несомненно, стал проектом духовного переустройства мира и человека, оказал и будет оказывать громадное воздействие не только на философию, но и на мир в целом.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Георг Вильгельм Фридрих Гегель

Философия духа

© К. Кедров, составление, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Предисловие. Бесконечность истины

В «Философии духа» Гегель в полной мере применил и опробовал метод открытого им диалектического познания. Суть метода в гениальной формуле: истина не конечный вывод, а процесс бесконечного совершенствования Бога и человека – человека и Бога, а в синтезе (термин Гегеля) – Богочеловека. Продолжив учение Канта об антиномиях (противоположных началах), Гегель запустил этот вечный движитель – не двигатель, а именно движитель мысли. В данном труде это прежде всего основополагающие антиномии: Мировой Дух и душа. Дух всемирен – душа единична, индивидуальна, личностна. Стало быть, перед читателем две противоположности, но суть открытия Гегеля в том и заключается, что Мировой дух, будучи всеобщим и всепроникающим началом мира, должен постоянно воплощаться и находить себя в личности. В то же время душа – личность – только тогда обретает себя и полноту своего я, когда вмещает в себя всю полноту Мирового духа. Таким образом, абсолютно бессмысленно говорить о Духе и о душе в отдельности. Они существуют как вечное единство и борьба кажущихся противоположных начал, которые едины в своем постоянном обретение еще большего совершенства. Таким образом, Совершенство и совершенствование становятся в философском смысле синонимами.

Гегелевская диалектика прозрачна, духовна и матерьяльна. Не может быть никакой материи без «интеллигенции». «Интеллигенция», по Гегелю, – это процесс постоянного обретения души. Интеллигенция как процесс – это нисхождение Духа к личности и обретение того, что философ обозначил терминами: самость-яйность-самобытие. Это не значит, что когда-то был момент безличностного бытия или бездуховной личности. Бытие всегда личностно, а личность всегда всемирна. Но, к сожалению, будучи всемирной и духовной по своей сути, личность сплошь и рядом ничего не знает о своей духовности и всемирности. Отсюда ущербность жизни, отчаяние, зло и ощущение бытия как небытия, жизни как умирания и даже как смерти.

Законы мысли, по Гегелю, также непреложны и достоверны, как астрономические открытия Кеплера или закон всемирного тяготения Ньютона. Однако и здесь не может быть остановки, поскольку и абсолютная истина, и относительные частные истины – это непрерывный процесс, постоянное движение. И действительно, за «интеллигентностью Ньютона последовала «интеллигентность» Эйнштейна, обрушившая представления об абсолютном времени и абсолютном пространстве как о незыблемой реальности, заменив их представлениями об относительном, зависящем от приближения к постоянной

скорости света «пространственновременном континууме», или «хронотопе» (термин Михаила Бахтина от «хронос» – время и «топос» – пространство). Приходится лишь удивляться, насколько прав оказался Гегель, указавший в «Философии духа» на субъективность наших понятий о пространстве и времени и на субъективность самих этих понятий.

В конечном итоге, хотя у Гегеля нет и не может быть ничего конечного, Дух и душа – это два полюса одного явления и в известной мере это разнополюсность Бога – Творца и человека – творения Божия. Так постоянно всю философию Гегеля олицетворяет его гениальная притча о Госодине – рабе своего раба. Так Гегель деликатно спорит с представлением о Господе как некоем господине своих рабов, проще говоря, людей. Появляется его знаменитая формула о господине, который обретает свою свободу и становится действительно господином, когда освобождает своих рабов. Очевиден политический и метафизический смысл этой притчи! Благодаря Гегелю человечество обрело философское обоснование необходимости свободы слова, свободы мысли и вытекающих отсюда политических свобод. Это намного глубже учения философов эпохи просвещения: Руссо, Вольтера и Монтескье, которые видели необходимость свободы, но ссылались при этом на некий никогда не существовавший общественный договор, где эти свободы якобы были обозначены. Гегель открыл свободу слова, свободу мысли и свободу Духа как такового, как непреложные законы Творца, воплощенного в своем творении, и творения, обретающего себя в Творце. Разум и законы разума существуют только в движении, а движение в субъекте – это свобода. Не удивительно, что Гегель в поисках наивысшей свободы протянул в «Философии духа» свою нить Ариадны от понятия к символу, от символа к образу, а от образа к поэзии. Поэзия как высшее проявление свободы завершает его феноменологию духа, потому что метафора всегда открыта для дальнейшего движения, а истина, по Гегелю, – это не конечное высказывание, а процесс.

Не следует смешивать понятие мышление с понятием «интеллигенция как процесс».

Мышление может быть рационально бесстрастным, но сам процесс мышления требует страсти. В этой установке великого философа чувствуется нечто исповедальное. Когда он пишет о человеке, как о ночи, созерцающей себя человеческими глазами, перед нами, несомненно, не только великий философ, но и великий поэт. Здесь и понятие, и символ, и образ предстают перед читателем как нечто единое величественное, целое. Подобного рода вспышки

метафор, которые я назвал бы метаметафорами, есть и у Канта, и у Спинозы, и у Декарта, не говоря уже об античных поэтофилософах – Платоне и Сократе.

Главная метаметафора Гегеля дана в «Науке логики», где он своим диалектическим методом охватывает две бесконечности: бесконечность жизни и бесконечность смерти.

В основу тропа положено сказание о Сократе, который, по свидетельству Платона и Ксенофонта, велел ученику начертать два круга охватывающего объем полученных знаний. Сначала ученик начертал малый круг, внутри которого находились знания до обучения у Сократа. Затем большой – символизирующий объем знаний, полученных за время обучения. После этого Сократ спросил у своего ученика – где же больше граница с еще не познанным? Естественно, что линия окружности большого круга была намного больше. А значит, чем больше знаний, тем больше непознанного. Гегель явно имеет в виду этот троп, когда дает два определения абсолютного бытия и абсолютного небытия. Все очерчивается и ограничивается своей противоположностью. Жизнь смертью, а смерть жизнью. «Итак абсолютное бытие это небытие. Итак абсолютное небытие это бытие».

Гениальность этой метаметафоры грандиозна и несомненна. В «Философии духа» все пронизано такой же бесконечноконечной конечнобесконечной структурной организацией. Большой круг – Мировой дух, вмещающая все, теряет свою индивидуальность. Все теряет себя во всем. Это блистательно сформулировал покровитель Шеллинга русский поэт Тютчев: «Час тоски невыразимой!.../ Все во мне и я во всем!..» Казалось бы, при чем тут тоска, если вмещаешь в себя весь мир. Но, растворяясь в мире, теряешь свою индивидуальность, личность. Поэтому у Гегеля бесконечность мира или Мирового духа находит свой приют и осознает себя только в личности. Но личность, будучи конечной по своей природе, не может быть собой, если не вместит в себя всю бесконечность мира. Человек только в Боге может быть самим собой, а Богочеловечность есть неотъемлемое свойство Мирового духа.

Философский проект Гегеля, а «Философия духа» это, несомненно, проект духовного переустройства мира и человека, оказал и будет оказывать громадное воздействие не только на философию, но и на мир в целом. В явное единоборство с Гегелем вступили в дальнейшем его ученики и последователи. Как это часто бывает, от основного ствола дерева познания ветки стали разрастаться в разные, противоположные стороны. Маркс, Ницше, Шопенгауэр

повлекли мысль человечества в своих направлениях. Маркс – в сторону политэкономии, революционной смене формаций и технологии революций. Ницше – к своему любимому философскому монстру-сверхчеловеку. Шопенгауэр к небытию, к иррациональной мировой воле, к метафизике небытия. И все таки в основе всех этих философских проектов «Философия духа». Уникальность этого гениального труда в том, что это одновременно проект для человечества и для каждого человека. Он рассчитан на постоянное совершенствование, развитие и полностью исключает возможность мысленного застоя. Скорей всего, это труд не столько для прошлого, сколько для настоящего, будущего и вечного.

Константин Кедров, доктор философских наук

Введение

§ 377

Познание духа есть самое конкретное и потому самое высокое и трудное. Познай самого себя – эта абсолютная заповедь ни сама по себе, ни там, где она была высказана исторически, не имеет значения только самопознания, направленного на отдельные способности, характер, склонности и слабости индивидуума, но значение познания того, что подлинно в человеке, подлинно в себе и для себя, – познания самой сущности как духа. Столь же мало имеет философия духа значение так называемого человекознания, стремящегося исследовать в других людях их особенности, их страсти и слабости – эти, как их называют, изгибы человеческого сердца – знания, с одной стороны, имеющего смысл, только если ему предпослано познание всеобщего – человека как такового, и тем самым по существу – духа, с другой же – занимающегося случайными, незначительными, не подлинными видами существования духовного, но не проникающего до субстанциального – до самого духа.

Прибавление. Трудность философского познания духа состоит в том, что при этом мы имеем дело уже не со сравнительно абстрактной, простой логической идеей, но с самой конкретной, самой развитой формой, которую идея достигает в своем собственном осуществлении. И конечный, или субъективный, дух – а не

только абсолютный – должен быть постигнут как осуществление идеи. Рассмотрение духа только тогда является истинно философским, когда его понятие познается в его живом развитии и осуществлении, т. е. именно тогда, когда дух понимается как отображение вечной идеи. Но познание своего понятия принадлежит самой природе духа. Предъявленное дельфийским Аполлоном к грекам требование самопознания не имеет поэтому смысла заповеди, обращенной к человеческому духу извне, со стороны силы, ему чуждой; напротив, побуждающий к самопознанию бог есть не что иное, как собственный абсолютный закон духа. Всякая деятельность духа есть поэтому только постижение им самого себя, и цель всякой истинной науки состоит только в том, что дух во всем, что есть на небе и на земле, познает самого себя. Чего-либо совершенно другого для духа не существует. Даже человек Востока не растворяется всецело в предмете своего поклонения; греки же впервые со всей определенностью постигли как дух то, что они противопоставляли себе как божественное; но и они ни в философии, ни в религии не поднялись до познания абсолютной бесконечности духа; отношение человеческого духа к божеству еще не является поэтому у греков абсолютно свободным; только христианство посредством учения о воплощении бога в человеке и о присутствии святого духа в верующей общине предоставило человеческому сознанию совершенно свободное отношение к бесконечному и тем самым сделало возможным понимающее познание духа в его абсолютной бесконечности.

Только такое познание и заслуживает отныне названия философского рассмотрения. Самопознание в обычном, тривиальном смысле исследования собственных слабостей и погрешностей индивидуума представляет интерес и имеет важность только для отдельного человека, а не для философии; но даже и в отношении к отдельному человеку оно имеет тем меньшую ценность, чем менее вдается в познание всеобщей интеллектуальной и моральной природы человека и чем более оно, отвлекая свое внимание от обязанностей человека, т. е. подлинного содержания его воли, вырождается в самодовольное нянченье индивидуума со своими, ему одному дорогими особенностями. То же самое справедливо и относительно так называемого человекознания, направленного равным образом на своеобразие отдельных духов. Для жизни такое знание несомненно полезно и нужно, в особенности при дурных политических обстоятельствах, когда господствуют не право и нравственность, но упрямство, прихоть и произвол индивидуумов, в обстановке интриг, когда характеры людей опираются не на существо дела, а держатся только на хитром использовании своеобразных особенностей других людей, стремясь таким путем достичь своих случайных целей. Но для философии это знание людей остается безразличным как раз постольку, поскольку оно оказывается неспособным подняться от

рассмотрения случайных особенностей людей к пониманию великих человеческих характеров, в которых подлинная природа человека проявляется в ничем не искаженной чистоте. Это знание людей становится для науки даже вредным, когда оно – как это имеет место при так называемой прагматической разработке истории – оказывается не в состоянии понять субстанциального характера всемирно-исторических индивидуумов и не видит, что великое может быть осуществлено только великими характерами, когда, наконец, оно делает притязающую на глубокомыслие попытку объяснить из случайных особенностей героев, из их якобы мелочных намерений, склонностей и страстей величайшие события истории; вот метод, при котором руководимая божественным провидением история низводится до игры бессодержательной деятельности и случайных обстоятельств. <...>

§ 382

Сущность духа есть поэтому с формальной стороны – свобода, абсолютная отрицательность понятия как тождества с собой. <...>

Прибавление. Субстанция духа есть свобода, т. е. независимость от некоего другого, отношение к самому себе. Дух есть само-для-себя-сущее, имеющее себя своим предметом, осуществленное понятие. В этом имеющемся в нем налицо единстве понятия и объективности заключается одновременно и его истина, и его свобода. Истина, как сказал уже Христос, делает дух свободным; свобода делает его истинным. Свобода духа, однако, не есть только независимость от другого, приобретенная вне этого другого, но свобода, достигнутая в этом другом, – она осуществляется не в бегстве от этого другого, но посредством преодоления его. <...>

То, что принадлежит к внешней природе, гибнет в силу противоречия; так, например, если бы золоту был придан другой удельный вес, чем оно имеет, то как золото оно должно было бы перестать существовать. Но дух обладает силой сохраняться и в противоречии, а следовательно, и в страдании, возвышаясь как над злом, так и над недугом. Обыкновенная логика ошибается поэтому, думая, что дух есть нечто, всецело исключаящее из себя противоречие. Всякое сознание, напротив, содержит в себе некоторое единство и некоторую разделенность и тем самым противоречие: так, например, представление дома есть нечто моему «я» вполне противоречащее и тем не менее им переносимое. Противоречие, однако, потому переносится духом, что этот последний не имеет

в себе ни одного определения, про которое он не знал бы, что оно положено им самим и, следовательно, им же самим вновь может быть снято. Эта власть духа над всем имеющимся в нем содержанием составляет основу свободы духа.

Однако в своей непосредственности дух свободен только в себе, только по своему понятию, или в возможности, но еще не в действительности.

Действительная свобода не есть поэтому нечто непосредственно существующее в духе, но нечто такое, что еще только должно быть порождено его деятельностью. Как такого породителя своей свободы нам предстоит рассмотреть дух в науке. Все развитие понятия духа представляет собой только самоосвобождение духа от всех форм наличного бытия, не соответствующих его понятию, – освобождение, осуществляемое благодаря тому, что эти формы преобразуются в некоторую действительность, полностью соответствующую понятию духа. <...>

§ 386

Две первые части учения о духе объемлют конечный дух. Дух есть бесконечная идея; конечность же имеет здесь значение несоответствия понятия и реальности тому определению конечности, согласно которому она есть свечение видимости (Scheinen) внутри понятия о духе, – видимость, которую, взяв в себе, дух полагает себе как предел для того, чтобы через снятие его располагать для себя свободой и знать ее как свою сущность, т. е. быть проявленным (manifestirt) безусловно. Различные ступени этой деятельности, задерживаться на которых как на видимости и пробегать которые составляет определение конечного духа, суть ступени его самоосвобождения: с их помощью абсолютная истина обнаруживает мир как нечто ею же предпосланное и порожденное, как положенное самим духом, и находит освобождение от него, как с ним и в нем одного и того же в истине, в которой бесконечная форма очищает видимость до ее познания. <...>

Раздел первый субъективный дух

<...>

А. Антропология

Душа

<...>

§ 389

Душа не только имматериальна для себя, но она есть всеобщая имматериальность природы, ее простая идеальная жизнь. Она есть субстанция, абсолютная основа всякого обособления и всякого разъединения духа, так что он в ней имеет весь материал своего определения, а она остается всепроникающей, тождественной идеальностью этого определения. Но в этом, еще абстрактном, определении она есть только сон духа – пассивный ???? Аристотеля, представляющий собой в возможности – все. <...>

а. Природная душа

а) Природные качества

§ 392

Дух живет 1) в своей субстанции, в природной душе; общей планетарной жизнью, различием климатов, сменой времен года, суток и т. п. – природной жизнью, которая только отчасти доходит в нем до смутных настроений.

Примечание. В Новейшее время много говорили о космической, сидерической, теллурической жизни человека. Животное, по существу, живет в этой симпатии; его специфический характер, равно как и особые линии его развития, у многих животных всецело находится в большей или меньшей связи с этим. У человека такого рода связь тем больше теряет свое значение, чем более он образован и чем более все его состояние поставлено на свободную духовную основу. Всемирная история столь же мало находится в связи с переворотами в Солнечной системе, сколько и судьбы отдельных людей с положениями планет.
<...>

Всеобщая жизнь природы есть, во-первых, жизнь Солнечной системы вообще, и, во-вторых, это есть жизнь Земли, в которой жизнь природы получает свою индивидуальную форму.

Что касается отношения души к Солнечной системе, то следует заметить, что астрология ставит судьбы человеческого рода и отдельного человека в связь с конфигурациями и положениями планет (вообще в Новое время мир рассматривали как зеркало духа в том смысле, будто дух может быть объяснен из мира). Содержание астрологии следует отвергнуть как суеверие, но на обязанности науки лежит указать определенное основание этого отрицания. Это основание не должно быть полагаемо только в том, что планеты отстоят от нас далеко и представляют собой тела, но более определенно – в том, что планетарная жизнь Солнечной системы есть только жизнь движения, – иными словами, жизнь, в которой пространство и время являются определяющими началами (ибо пространство и время суть моменты движения). Законы движения планет определены единственно понятием пространства и времени; в планетах абсолютно свободное движение становится поэтому их действительностью. Однако уже в физически индивидуальном это абстрактное движение есть нечто безусловно подчиненное; индивидуальное вообще само создает для себя свое пространство и свое время; его изменения определены его конкретной природой. Тело животного достигает еще большей самостоятельности, чем просто физически индивидуальное. Оно обладает совершенно независимым от движения планет ходом своего развития и не ими определенной мерой продолжительности жизни; его здоровье, как и ход его болезни, не зависит от планет; периодические лихорадки, например, имеют свою собственную определенную меру; в них определяющим началом является не время как время, но сам животный организм. Тем более, конечно, для духа не имеют уже никакого значения и никакой силы абстрактные определения пространства и времени, как не имеет для него значения и никакой свободный механизм; определения обладающего самосознанием духа бесконечно совершеннее, конкретнее, чем

абстрактные определения рядоположности и последовательности. Правда, дух, как имеющий тело, находится в определенном месте и в определенном времени, но он все же возвышается над пространством и временем. Несомненно, конечно, что человеческая жизнь обусловлена определенной мерой расстояния Земли от Солнца; в большем удалении от Солнца человек так же мало мог бы жить, как и на расстоянии менее значительном, но далее этого влияние положения Земли на человека не простирается.

Но и собственно земные отношения – совершающееся в течение года движение Земли вокруг Солнца, суточное движение Земли вокруг своей оси, наклон земной оси к пути движения Земли вокруг Солнца – все эти к индивидуальности Земли относящиеся определения не остаются, правда, без влияния на человека, но для духа как такового значение их ничтожно. Уже церковь поэтому с полным правом отвергла как нечто суеверное и безнравственное ту веру, согласно которой земные и космические отношения проявляют свою власть над человеческим духом. Человек должен рассматривать себя в качестве свободного от отношений, царящих в природе; в упомянутом же суеверии он рассматривает себя как природное существо. Поэтому следует считать не имеющим никакого значения также и начинание тех, кто старался увязать между собой эпохи эволюции Земли с эпохами человеческой истории, – в астрономической, а также и в физической области открыть первоисточник религий и их образов, и при этом вынужден был прийти к лишенной всякого основания и почвы мысли, будто подобно тому, как равноденствие передвинулось из созвездия Тельца в созвездие Овна, так точно и за поклонением Апису должно было последовать христианство как почитание агнца.

Что же касается того влияния, которое земные отношения действительно оказывают на человека, то это влияние может стать здесь предметом обсуждения только со стороны своих главных моментов, так как все частности в этом отношении входят в естественную историю человека и Земли. Процесс движения Земли приобретает во времена года и суток физическое значение. Эти смены, конечно, затрагивают человека; простой природный дух, душа, сопереживает настроению времен года, равно как и то или иное время суток. Но тогда как растения всецело зависят от смены времен года и даже животные находятся бессознательно под ее властью, побуждаясь этой сменой к спариванию, а некоторые из них инстинктивно и к переселению, – в душе человека смена эта не вызывает никаких возбуждений, которым он подчинялся бы помимо своей воли. Обстановка зимы располагает к самоуглублению, к сосредоточению своих сил, к семейной жизни, к почитанию пенатов. Летом, напротив, ощущается особенное расположение к путешествиям, чувствуешь

себя вырвавшимся на свободу, а простой народ стремится к паломничеству. Однако ни упомянутая интимная семейная жизнь, ни эти паломничества и путешествия не представляют собой чего-либо только инстинктивного. Христианские праздники согласованы со сменой времен года; праздник рождества Христова празднуется в то время, когда Солнце как бы снова начинает подниматься над горизонтом; воскресение Христова приурочено к началу весны, к периоду пробуждения природы. Но эта связь религиозного с природным точно так же связь не инстинктивная, но установленная сознательно.

Что касается фаз Луны, то они даже и на физическую природу человека имеют только ограниченное влияние. Такое влияние обнаружилось на сумасшедших, но в них господствует сила природы, а не свободный дух. Далее, и различное время суток также, несомненно, вызывает особое предрасположение души. Люди утром настроены иначе, чем вечером. Утром господствует серьезное настроение, дух находится еще в большей мере в тождестве с самим собой и с природой. День посвящен противоположному настроению, а именно – работе. Вечером преобладает размышление и фантазия. В полночь дух от древнего рассеяния возвращается к самому себе, остается наедине с собой, проявляет склонность к размышлениям. Большинство людей умирает после полуночи; человеческая природа как бы не в состоянии начать еще один новый день. Различное время суток находится в известном отношении также к общественной жизни народов. Народные собрания древних, более привязанных к природе, чем мы, проводились по утрам; напротив, занятия английского парламента соответственно более сосредоточенному характеру англичан начинаются вечером и иногда затягиваются до глубокой ночи. Отмеченные настроения, вызванные различными временами суток, видоизменяются, однако, соответственно климату: в жарких странах, например, в обеденное время люди чувствуют себя склонными больше к покою, чем к деятельности.

Что касается влияния метеорологических изменений, то по этому поводу можно заметить следующее. У растений и животных способность к восприятию этих явлений выступает с полной ясностью. Так, животные уже заранее воспринимают грозу и землетрясение, т. е. они чувствуют такие изменения атмосферы, которые для нас еще не стали явными. Подобным же образом раны людей дают себя знать при таких изменениях погоды, о которых барометр не дает еще никаких показаний; слабое место, которое представляет собой рана, обуславливает более заметное воздействие природы. Таким образом, то, что является определяющим для организма, имеет значение также и для слабых духовных организаций и ощущается ими как некоторое воздействие. И даже

целые народы, греки и римляне, ставили в зависимость от явлений природы свои решения, считали, что они связаны с метеорологическими изменениями. Известно, что они не только вопрошали совета в государственных делах у жрецов, но и гадали также по внутренностям животных и по тому, как они пожирали пищу. Например, в день битвы при Платее, где дело шло о свободе Греции, а может быть, и всей Европы, о предотвращении восточного деспотизма, Павзаний все утро бился над тем, чтобы получить благоприятные предзнаменования от жертвенных животных. <...>

В философии гений сам по себе ведет недалеко; здесь он должен подчиниться строгой дисциплине (strenge Zucht) логического мышления; только через это подчинение гений здесь достигает своей полной свободы. Что же касается воли, то нельзя сказать, чтобы в добродетели мог проявиться гений, ибо добродетель есть нечто всеобщее, требуемое от всех людей, и не что-либо прирожденное, но нечто производимое в индивидууме его собственной деятельностью. Различия в совокупности естественных задатков для учения о добродетели не имеют поэтому никакого значения; эти различия подлежали бы рассмотрению – если уместно так выразиться – только в естественной истории духа.

Многообразные виды таланта и гения различаются друг от друга различием сфер духа, в которых они проявляют свое действие. Различие темпераментов, напротив, не выражается в таком внешнем отношении. Трудно сказать, что, собственно, понимают под темпераментом. Этот последний не относится ни к нравственной природе поступка, ни к таланту, наглядно проявляющемуся в нем, ни, наконец, к страсти, имеющей всегда определенное содержание. Всего правильнее поэтому будет определить темперамент как тот совершенно всеобщий род и способ, в котором индивидуум проявляется в действии, объективируется, сохраняется в действительности. <...>

Только через осуществление великих целей человек обнаруживает в себе великий характер, делающий его маяком для других. <...> Мы начали с природных задатков – и именно с таланта и гения, – потому что в этих задатках качественная определенность природы индивидуальной души имеет преимущественно форму чего-то просто сущего, чего-то непосредственно устойчивого, такого, внутреннее различие чего относится к некоторому вне его находящемуся различию. <...>

?) Природные изменения

<...>

§ 400

Ощущение есть форма смутной деятельности духа в его бессознательной и чуждой рассудка индивидуальности, в которой всякая определенность еще непосредственна; по своему содержанию, как и по противоположности объективного и субъекта, оно дано в еще неразвитом виде, принадлежит в высшей степени обособленному, естественному своеобразию субъекта. Содержание ощущения как раз потому ограничено и преходяще, что оно относится к естественному, непосредственному бытию, к тому, следовательно, что качественно и конечно.

Примечание. Все содержится в ощущении, и, если угодно, все выступающее в сознании духа и в разуме имеет в ощущении свой источник и свое первоначало; ибо источник и первоначало и не обозначают ничего иного, как тот самый первый непосредственный способ, в котором нечто проявляется. Недостаточно, чтобы принципы, религия и т. п. находились только в голове, они должны быть в сердце, в ощущении. В самом деле, то, что таким образом есть у нас в голове, находится в сознании вообще, а для этого последнего содержание является предметным только в том смысле, что оно в такой же мере, в какой оно положено во мне как в абстрактном «я», может мною же в моей конкретной субъективности удерживаться в известном отдалении. Напротив, в ощущении такое содержание является определенностью всего моего для-себя-бытия, хотя в этой форме еще и смутного, оно, следовательно, полагается здесь как мое самое интимное достояние. Достоянием является то, что неотделимо от действительного, конкретного «я», и это непосредственное единство души с ее субстанцией и с ее определенным содержанием и есть как раз это состояние нераздельности, поскольку оно еще не определено как «я» сознания, а еще того менее – как свобода разумной духовности. Впрочем, тот факт, что воля, совесть, характер обладают еще и совершенно другой интенсивностью и прочностью как что-то существенно мне принадлежащее, чем ощущение и комплекс ощущений – сердце, это мы видим и в наших обычных представлениях. Правильно, конечно, сказано, что прежде всего сердце должно быть добрым. Но что ощущение и сердце не есть та форма, через посредство которой что-либо оправдывается в качестве религиозного, нравственного, истинного, справедливого и т. д., и что

ссылка на сердце и ощущение или ничего не говорит или скорее говорит нечто дурное, – об этом не стоило бы, собственно говоря, и напоминать. Нет более тривиального опыта, чем тот, что существуют по меньшей мере также злые, дурные, безбожные, низменные и т. п. ощущения и сердца. Даже более, то обстоятельство, что только из сердца проистекает подобное содержание, выражено в словах: из сердца исходят злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, блуд, хуления и т. п. В такие времена, когда научная теология и философия считают сердце и ощущение критериями добра, нравственности и религиозности необходимо напомнить об этом тривиальном опыте, а также необходимо в наши дни восстановить в памяти и то, что именно мышление является самым существенным (Eigenpte) из того, чем человек отличается от скота, и что ощущение является у него общим с последним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://telnovel.com/gegel-_georg/filosofiya-duha

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)